

...И вот в моих руках этот солидный, в пятьсот с лишним страниц, том – сборник рассказов и повестей «Посылка из Америки». Отличное издание, которому можно только позавидовать или порадоваться. Радуюсь! И за автора – Василия Килякова, и за читателей...

Хотел говорить только о книге, но не получается...

Мы уже давно заочно знакомы с Василием. Обратить внимание на него посоветовал мне литературный критик Вячеслав Лютый, а рекомендация Лютого для меня значима. Я связался с Василием, и вскоре в скромной газете «Литературный маяк» появилась подборка его дневниковых записей (что прислал, то я с удовольствием и опубликовал). Потом ещё были публикации... Такие записи – жанр особый, интересный, по ним (этим записям) сразу было видно, что Василий Киляков умеет и дать моментальную и точную бытовую зарисовку, и поставить философский вопрос, и попытаться решить его, да просто – высказать мысль. И надо сказать, мысли его – близки мне. Вот, например: «Бесконечно большая вселенная и ничтожно малая соринка на земле – всё касается друг друга, всё проникает друг в друга, и соприкосновение это происходит только в одном: в способности человека к молитве и созерцанию. А это – молитва и созерцание – подлинно тяжёлый труд...» (Созерцание – труд, это я понимаю и принимаю...)

И всё это он пишет замечательным русским языком. Но дневниковые записи – это всё-таки взгляд автора на мир с определённой, авторской, точки зрения, ограниченной рамками жанра – страницами дневника. Художественная же проза – это весь мир, увиденный и глазами писателя, и глазами его героев.

И вот, наконец, я прочитал и рассказы, и повести, и эссе, и очерки и даже интервью Василия Килякова – всему нашлось место в этой книге, видимо, подводящей итог на определённом этапе. Кое-что нашёл и в вездесущем Интернете.

Читаю интервью Василия Васильевича и вижу, откуда что берётся: от человека с богатой и трудной судьбой (и при этом замечательного устного рассказчика) – деда, от деревенского детства, от школы в провинциальном городе, от хорошего учителя литературы, от книг... От России, от судьбы её, которая становится и судьбой каждого русского, не каждый только это чувствует и понимает. Киляков чувствует, оттого он и пишет...

И теперь уже к книге...

Василий Киляков – неторопливый, внимательный и талантливый повествователь. Просто рассказывает простые истории жизни: «жили-были», «а потом», «а затем»... И проплывает перед внутренним взором читателя чья-то жизнь.

Если в дневниковых записях (по стилю, по мысли, по мировоззрению), как мне показалось, Василий Киляков близок к нашему современнику Владимиру Крупину, то в его рассказах и повестях увиделся мне гораздо более отдалённый творческий предшественник – Николай Лесков. Та же неторопливость, тщательность выделки, череда характеров, лиц, ситуаций («Очарованный старник», «Левша», «Тупейный художник», «Запечатлённый ангел» и т. д.).

Лесков – при всей сложности своей жизни, судьбы, творчества – был именно очарован сложностью и красотой Божьего мира, и, прежде всего – человека как высшего творения в этом мире...

И интонация В. Килякова – это именно интонация очарованного жизнью странника, познающего своей жизнью мир и рассказывающего об этом таким же, как он, неторопливым слушателям-читателям.

Конечно, нельзя сводить всё творчество Василия Килякова к «похожести» на Лескова или, тем более, следованию по его пути. У Василия Килякова путь свой, взгляд свой, да ведь и время своё – «наше».

Вот, например, рассказ «Капитал». Это же «Очарованный странник наоборот». Очаровал Фому Кукина не мир Божий, а капитал, деньги. До того очаровал, что и муки он за этот капитал терпит, и на смерть готов (и свою, и чужую)... Рассказ страшный по своей беспощадности – гибнет Фома от копыта лошади, хотя всю жизнь был лошадиником, и остаётся от него на свете сын – Пашка-Полчеловека (он-то на самом деле и виноват в гибели отца).

Только и надежда, что молитва, которую, единственную, помнит от прабабки другой герой этого рассказа... Но ведь это надежда, которая не умирает даже последней...

Такие рассказы, как «Неугомонный», «Товарищи», – это рассказы о столкновении живого, ещё по-детски наивного деревенского мира с миром города, железа, душевного холода...

В «Стегнее и Варьке» рассказ переплетается с легендой, сказкой. И это уже не книжная традиция, это традиция устного рассказа.

Раньше мужики, ходившие из деревень в отход (на работу в город) или, позже, на лесозаготовки, специально брали с собой человека, обычно старика, который вечерами рассказывал сказки, легенды, истории из жизни, что-то на ходу придумывал, прибаутку подпускал... Вот таким «сказочником» становится в некоторых рассказах и Василий Киляков (как и герой его рассказа «Балагур»)...

И так страница за страницей проплывают образы, лица, судьбы: новорусские чиновники и просто русские сидельцы, палачи и жертвы, мужики и бабы... Народ.

Задержусь ещё на заглавном рассказе – «Посылка из Америки». Герой едет дождливым осенним днём на мотоцикле в родную деревню, по пути останавливается, чтобы согреться и обсохнуть в доме знакомой одинокой старухи. Она показывает семейные фотографии на стене... «Я слушал и думал: как странно, что мы все, особенно в городах, потеряли эту традицию – красный угол с образами, хоть маленький, но иконостас, где главенствует Спас. Под ним – Божья Мать... А что же было рядом с красным углом, вправо и влево по стене? Родители, умершие и почитаемые “из рода в род”, как сказано в литии по умершим... Нет сомнения, что мы молимся за нашу родню тут, а они “оттуда” благословляют нас...»

Старуха тем временем рассказывает о необычной судьбе «своего Мити», от которого у неё три дочери и сын... Ушёл на фронт, а оказался в далёкой Америке и даже присылал оттуда письма, а однажды и посылку с дешёвой ерундой. Но она хранит и присланный им настенный коврик, и ящик из-под посылки, а в ящике письма от него – и с фронта и из Америки... И последнее письмо мужа уже из больницы... И ведь ей даже не важно, почему, как он оказался в Америке (наверное, после немецкого плена). Когда герой уходил, старуха заставила его надеть тёплые сухие носки, передала поклон его бабке – подруге ещё с молодости...

Приведу большую, но необходимую для понимания жизненной и творческой позиции Василия Килякова цитату: «Я ехал уже затемно и всё думал о бабке Марфе, о себе. Думал об этих полях непаханных с колками берёз... Что в них, в этих берёзах? Отчего так живуча в сердце эта тоска по родине, да такая, что на чужбине человек заболевает ностальгией и даже гибнет. Страдает, не видя эти горизонты. Есть какая-то особенная торжественная грусть в этой серединной Руси, тоска обречённого, влекомого промыслом русского по своему голгофскому пути <...>. И песни такие же: долгие, грустные, чаще – острожные. И пытался я вспомнить весёлые песни – никак не мог <...>. Русский народ, едва ли не весь и едва ли не каждый из нас, – идёт, неся свой крест.

Бабушке своей я передал привет от Марфы.

– <...> И носки подарила? Ну и я в долгу у неё не останусь, я ей отомщу...

Это её “отомщу”, против обычного понимания, вызвало у меня не смех, а печаль, едва не со слезой. Такой-то жалостью пролилось в сердце к земле нашей бесприютной, ко всем людям, жившим до нас и живущим с нами. И долго ещё глядел я с крыльца на поля, на косогор, на горизонт в дожде... На эту скудную и дорогую сердцу русскую голгофу...»

Вот эта печаль, жалость, сопереживание и проживание «русской голгофы» и есть суть творчества Василия Килякова. И эта жалость (любовь) отзывается в сердце читателя.

Но вернусь к книге. Повесть «Родное пепелище» – горькое повествование о том, как вытесняются с родной земли её хозяева... Уходил Антон Волчихин в армию из одной страны, вернулся в другую, в которой убивается русская деревня, орудут по деревням банды «собирателей» икон, нет работы

и даже хлеба... До конца борются за жизнь и своё достоинство отец и сын Волчихины, да, они вынуждены оставить родную деревню, но они ищут работу, не опускаются на дно новой жизни... И всё же последним исходом стало для Серафима («огненного») – сожжение собственного дома и, так случилось – самосожжение... Так, языками пламени, испокон уходила на небо Русь, не сдаваясь врагу...

Следующая повесть – «Последние» – как врачующая повязка на обожжённую душу читателя. Последние деревенские старики и старухи – хранители векового лада – герои её. И если Василий Киляков написал о них, то я верю, что они всё же не стали последними. А иначе не устоял бы этот мир.

«Благочестивому читателю» – эссе, видимо, сложившееся из дневниковых записей. Здесь и рассуждения над книгой «Луг духовный» блаженного Иоанна Мосха, и размышления о дне сегодняшнем, о творчестве, о политике, о том, говоря словами Шукшина, – «что с нами происходит»...

«Что с нами происходит?» – задавал вопрос в начале семидесятых прошлого века Василий Макарович. В наше время это произошло – торжествующий хам, бездуховность – вот что происходит... И об этом тоже рассуждает Василий Киляков в эссе «И охладет в людях любовь...», имеющем подзаголовок «Размышления над рассказами В. М. Шукшина вдали от “демонстрации Оккупай и памятника Абаю-Ибрагиму Кунанбаеву”».

Признаюсь, у меня есть эссе с подзаголовком «после прочтения рассказа Василия Белова», есть и попытка «беседы» с Шукшиным – письменного разговора с ним. То есть мне близка и интересна такая форма – размышления, отталкиваясь от творчества любимого и уважаемого писателя. И я, как Василий Киляков, в поисках правды не пойду к «оккупам-абаям», я лучше возьму с полки книгу Шукшина, Белова или Абрамова – тех писателей, которые уже много поняли в русской жизни и указали пути по ней... Вот Киляков пишет: «...Василий Макарович Шукшин – это и есть Школа. Школа с большой буквы. И никакими усилиями русскоязычных не погасить величия этой школы: чтобы принадлежать к ней – нужно иметь достоинство...»

Василий Киляков, безусловно, принадлежит к Школе Василия Шукшина...

И следующее эссе – «Душа-частушка» – ещё раз подтверждает его принадлежность к этой Школе. Через частушку – выражение народного характера – вся история страны от Ленина до Ельцина и авторское рассуждение об этой истории.

За эссе следует интервью, взятое у Василия Килякова Ириной Гречаник, – вот такое необычное построение книги. Не буду отнимать у читателя возможность самому прочитать это интервью, в котором Василий Киляков раскрывает природу своего творчества, высказывает свой взгляд на мир, на то же творчество. Приведу лишь его последние слова: «Время как “млат”, который, “дробя стекло, куёт булаг”. И всё же надо делать выводы, надо знать, что без опыта и выводов мы безоружны. Надо собрать стекло, переплавить. Это стекло – наша память и опыт. Переплавить и вылить в форму, в потир, в светлую причастную чашу... Мы должны научиться прощать, держаться вместе и помнить то бурное море – озеро Галилейское, – которое переплывали апостолы. Море бушевало, а Христос спал. Спал, но не отсутствовал.

Надо ввериться Его воле, грести и держать кормило. “Делай, что должно, и пусть будет, что будет” – это про нас. Все мы плывём в одной лодке, под одним парусом, хотим мы этого или нет. Всё будет, впереди ещё много тревог и радостей».

Но интервью не заканчивает книгу. За ним следуют два очерка – ещё одна грань таланта Василия Килякова. «Худая жизнь» – бедовая судьба женщины, потерявшей на чеченской войне сына и взявшей на себя право и власть вершить суд – не справедливый, не правый, но... вынужденный...

И очерк-воспоминание «Возвращение снега», посвящённый памяти замечательного русского писателя Глеба Горышина. Да, так и бывает – почти случайные и внешне незначительные встречи с «большими» людьми (духовно большими, значимыми) со временем тоже вырастают, наполняются внутренней значимостью. Вот так и вырос этот очерк...

А заканчивается эта большая книга маленькой, на полторы страницы, философской зарисовкой, размышления автора над листом бумаги, молитвой: «...Просил бы Его всей его милостью и благодатью – помогать мне тем одним, чтобы оставаться мне наедине с собою, со своими мыслями и чувствами... Я просил бы Его обратить в вечное вот этот предрассветный час, уходящую ввысь луну и этот миг, это мгновение, которым заканчиваю я эти строки. Я просил бы Его не то что обратиться в вечное, а хотя бы продлить мне время творчества, – муки моей и радости...»

И мне хочется встать на молитву рядом с автором этих слов, замечательным русским писателем, странником, очарованным Божьим миром – Василием Киляковым.